
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Л. Е. ГРИНИН

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ НА ЗАПАДЕ: ИСТОРИЯ И БУДУЩЕЕ.

Часть 2. Исторический материализм с 1920-х гг. до настоящего времени.

Взлеты и падения. Будущее концепции*

За последние 100 лет, с 1920-х гг., западный марксизм прошел сложную эволюцию. Он пережил тяжелый кризис в 1920–1930-х гг., начал новый подъем в 1960–1970-е, вновь пережил глубокий кризис в связи с коллапсом социалистической системы в 1990-е. Однако он продолжает жить и оказывать влияние. В первой статье был рассмотрен путь исторического материализма с момента его появления до 1920-х гг. Были показаны научные и интеллектуальные достоинства и главные проблемы исторического материализма, проанализированы ценные находки, его удачные и продуктивные методы, вскрыты ограничения имеющейся модели истмата, устаревшие и не подтвержденные историей идеи. Во второй статье дается очерк истории западного марксизма и западной марксистской историографии с 1920-х гг. по настоящее время. Устарел ли истмат сегодня? Есть ли в западном марксизме ростки чего-то нового, что сделает это направление востребованным? На эти и другие вопросы отвечает данная статья. Делается вывод, что сегодня судьба истмата и марксизма определяется своего рода парадоксом: его значение растет по мере того, как он растворяется в других теориях. Поскольку он стал как бы частью общего интеллектуального достояния, можно образно говорить о генетическом дрейфе исторического материализма, кото-

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

рый, несмотря ни на что, оказывается живым учением, значимым интеллектуальным резервом, если подходить к нему не как к нерушимой догме, а творчески и критически.

Ключевые слова: исторический материализм, западный марксизм, производительные силы, принципы производства, базис, надстройка, марксистская историография, постисторический материализм, мир-системная теория.

Within recent hundred years, starting from the 1920s, Western Marxism experienced a complicated evolution. It passed through a serious crisis in the 1920s–1930s, started a new rise in the 1960s–1970s, and again fell into a deep crisis in connection with the collapse of the socialist system in the 1990s. However, it has survived and continues to produce some impact. In the first paper we considered development of historical materialism from its origin to the 1920s. We revealed the scientific and intellectual merits and major problems of historical materialism, analyzed valuable findings, its successful and productive methods, and also pointed out the limits of the existing model of historical materialism and outdated ideas not proved by the history. In the second part we give an essay of the history of Western Marxism and Western Marxist historiography starting from the 1902s to the present. Is historical materialism outdated today? Are there any roots of new ideas that could make this approach relevant? The present article answers these and other questions. The conclusion is made that today the destiny of historical materialism and Marxism is determined by a kind of paradox: its significance increases when it dissolves in other theories. Since it became a part of the common intellectual legacy one may figuratively speak about a genetic drift of historical materialism which despite everything appears a living theory, significant intellectual reserve if to consider it not as a rigid dogma but in a creative and critical manner.

Keywords: historical materialism, Western Marxism, productive forces, production principles, base, superstructure, Marxist historiography, post-historical materialism, World-System theory.

Западный марксизм до конца 1960-х гг.¹

По мнению Ж.-П. Сартра, с 1924 по 1968 г. марксизм «остановился» [Андерсон 1991]. В еще большей степени это касается исторического материализма. П. Андерсон отмечает, что после 1920 г.

---

¹ Термин «западный марксизм» (Western Marxism) распространился с 1920-х гг. Описание этого феномена впервые было использовано в Коминтерне в 1923 г. в качестве уничижительного во время дискуссии против Дьёрдя Лукача и Карла Кор-

марксизм развивался медленнее, чем немарксистская культура, а более чем за 20 лет после Второй мировой войны вклад западного марксизма в создание собственной оригинальной экономической и политической (и, добавим, историософской) теории как таковой в смысле фундаментальных трудов оказался нулевым [Андерсон 1991]. Это было связано, во-первых, с тем, что востребованность революционного марксизма в условиях затухания революционного движения и постепенного роста жизненного уровня населения резко снизилась. Во-вторых, с тем, что западные марксисты-теоретики сами более или менее успешно интегрировались в капиталистическое общество, заняв в нем хорошо оплачиваемые и почетные профессорские должности. В-третьих, это была реакция на догматический в теории и тоталитарно-репрессивный на практике советский (и социалистических стран) истмат. В результате этих и других причин происходит смена тематики исследований марксизма, а исторический материализм перестает быть основной областью его исследования, по факту превращаясь порой в маргинальное направление.

Считается, что три марксистских теоретика после Первой мировой войны и волны революций задали основные векторы западного марксизма: Д. Лукач, К. Корш и А. Грамши. Все они были лидерами в своих партиях и принимали участие в революционных действиях (а первые два – и в революционных правительствах). Их главные труды, посвященные переосмыслению ортодоксального марксизма и исторического материализма, а равно и революционной практики в связи с поражениями революций и стабилизацией капитализма, могут быть полностью поняты только в контексте их революционной деятельности². Межвоенные марксисты-теоретики,

---

ша [Dabrowski 2012]. Существенно, что исторический контекст, в котором этот термин употреблялся позже, был весьма различным у разных исследователей, в частности, у М. Мерло-Понти, К. Корша и П. Андерсона [Aronowitz 1990: 5, 6; см. также: Merleau-Ponty 10970; Korsch 1979; Anderson 1976; 1983].

² Среди главных трудов укажем: «История и классовое сознание» Д. Лукача (1923), «Переосмысление главных принципов марксизма («Ведущие принципы марксизма: пересмотр») К. Корша [Korsch 1937], знаменитые «Тюремные тетради» А. Грамши [Gramsci 1975]. Последние были впервые изданы только в 1948–1951 гг., язык их в связи с условиями написания, жесткой цензурой и тюремными ограничениями, а также особенностями личности самого автора местами довольно непонятен.

среди которых было много профессиональных революционеров, политиков и рабочих лидеров, в значительной мере были заняты объяснением задержки революции и комментариями в отношении империализма, а также вопросами экономических кризисов³.

Но позже, после Второй мировой войны, марксистская теория полностью перемещается в университеты, и даже К. Корш и Д. Лукач занимают должности профессоров, не говоря уже о младшем поколении профессоров-марксистов: А. Лефевре, Г. Маркузе, Г. Делла Вольпе, Т. Адорно, Л. Колетти, Л. Альтюссере и др. Таким образом, отличительная черта всей западной марксистской традиции после 1930-х гг. от Лукача до Альтюссера и от Корша до Колетти – полное преобладание в ней профессиональных философов [Андерсон 1991; см. также: Adamson 1980: 186]. То есть ситуация стала отличной от прежних эпох, когда марксисты (хотя это и делало их сектантами) довольно презрительно относились к университетским профессорам. В итоге язык большинства или даже всех западных марксистов стал слишком сложным для понимания и перегруженным терминами, а тематика – весьма специальной⁴. «Метод как бессилие, искусство как утешение, пессимизм как покой» – вот характеристики западного марксизма послевоенного времени [Андерсон 1991: 104]. Также наблюдался синтез марксизма и немарксистских теорий (в том числе фрейдизма) у Т. Адорно, Г. Маркузе, Л. Альтюссера, Ж.-П. Сартра и др. Но синтез не принес значимого эффекта – в отличие от противоположного варианта, когда идеи марксизма использовались рядом немарксистских исследователей (см. в последнем разделе настоящей статьи).

Марксизм, которым занимались западные его представители, порой настолько отличался от традиционного, что Р. Арон неслучайно назвал его «мнимым или воображаемым» [см.: Арон 2010],

---

³ Среди многих работ укажем книгу П. Суизи «Теория капиталистического развития» [Sweezy 1968]. О ней см.: Андерсон 1991.

⁴ Наблюдались крен в эпистемологии и, по сути, бесплодный методологизм. Например, весьма показательна подборка главных работ западных марксистов, которую приводит П. Андерсон (1991): «Разрушение разума» Д. Лукача, «Разум и революция» Г. Маркузе, «Критика диалектического разума» и «Проблема метода» Ж.-П. Сартра, «Логика как позитивная наука» Г. Делла Вольпе, «Негативная диалектика» Т. Адорно, «Читать “Капитал”» Л. Альтюссера.

а иные, как Фредерик Джеймисон [2005; Jameson 1996], – пост-марксизмом⁵.

Ряд марксистов стремились осознать и вписать в свое понимание изменения в современном им индустриальном обществе. Здесь они, конечно, захватывали темы, связанные с историческим материализмом. Но поскольку развитие индустриального общества шло иным путем, чем предполагали классики марксизма и их последователи, то работы этого плана противоречивы. В качестве примера можно указать работу М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика просвещения» (1947 г.; русское издание: [Хоркхаймер, Адорно 1997]). С одной стороны, они давали интересные и подчас глубокие характеристики новых явлений, как то: усиление тоталитарности в связи с охватом товарными отношениями всех сфер общества и подчинение/отчуждение личности, возникновение массовой культуры и культуриндустрии и т. п. С другой – главное в истмате, рост производительных сил, теперь их пугает, внушает пессимизм, а бесконечный научно-технический прогресс выглядит уже как регресс. Впрочем, заметим, что отрицание прогресса, страх перед техникой становится распространенным в разных школах в 1960–1970-е гг. Изменение социального состава современного общества, размывание рабочего класса и утрата им ведущей роли были среди тем творчества Г. Маркузе (например, в «Одномерном человеке», «Эросе и цивилизации»). Отсюда следовал вполне логичный вывод о том, что в этом плане марксизм устарел, но представленные попытки развития истмата на почве объединения его с фрейдизмом оказались неудовлетворительными.

Как уже было сказано, исторический материализм в западном марксизме потерял актуальность, им мало кто занимался – в основном те представители старой гвардии марксистов, кто остался жив и продолжал работать в описываемый период (например, Р. Роздольский или Э. Мандель)⁶.

---

⁵ Себастьяно Тимпанаро [Timpanaro 1974: 3] указывал, что, возможно, единственное, что объединяет все современные версии западного марксизма, за несколькими исключениями, это проблема защиты от обвинений в материализме.

⁶ Здесь можно упомянуть посмертно изданную в 1968 г. работу Р. Роздольского «Предисловие Маркса к “Критике политической экономии” и его связь с “Капиталом”» (на немецком языке) и книгу Э. Манделя «Поздний капитализм».

Западный марксизм с 1970-х гг. Подъем интереса к историческому материализму и другим классическим темам

Изменение в проблематике и тональности марксизма произошло к середине 1970-х гг. и было связано с самым крупным послевоенным экономическим кризисом капиталистических стран и политическим кризисом в США, в частности в связи с войной во Вьетнаме. В противоположность этому мир социализма казался крепким, имеющим большое будущее, а образовавшийся третий мир внушал надежду на дальнейшее ослабление капитализма. Одновременно марксизм становился все более респектабельным и приемлемым в научной и интеллигентской среде, создавая, хотя и с радикальным налетом, но вполне необходимый левый фланг. По этой и другим причинам произошел сдвиг центра западного марксизма в США, Англию и другие страны, традиционно слабые в отношении марксизма, в то время как во Франции и Италии он ослабевал и «застывал» [см.: Андерсон 1991]. На англо-американской почве в соединении с современными теориями и происходит некоторый подъем марксизма и исторического материализма, а также рост его привлекательности.

К сказанному нельзя не добавить и подъем движений: левого, молодежного, расового, зеленого, женского, ЛГБТ и т. п. Марксизм и эти движения изначально оказались связанными (часто личными связями и личным участием). Первый всегда поддерживал такого рода протесты, а радикальные движения различных меньшинств в США из марксизма могли черпать аргументы критики капиталистического общества и лозунги⁷.

Появились новые работы, возвращающиеся к прежнему марксизму, в том числе целый ряд экономических трудов о современном капитализме⁸. Среди них особо стоит отметить книгу Э. Ман-

---

⁷ С 1970-х гг. эта связь укреплялась и расширялась, причем, по верному наблюдению П. Готфрида, произошла американизация европейских левых по всему спектру в плане их сдвига к идеологическому обоснованию, защите всякого рода меньшинств и опоре на электорат, состоящий из борцов за права гомосексуалистов, активистов феминистского движения, защитников природы, борцов за мультикультурность и вообще, если говорить более широко, не состоящих в браке людей свободных профессий [Готфрид 2009: 13].

⁸ В частности, работы Г. Бравермана «Труд и монополистический капитал» [Braverman 1974] и М. Аглиетта «Теория капиталистического регулирования» [Aglietta 1979].

дела «Длинные волны в истории капитализма» [Mandel 1995 [1978]], в которой он попытался совместить исторический материализм и марксистскую политэкономия, с одной стороны, и теорию длинных волн (или циклов) длительностью 50–60 лет – с другой (имеется в виду теория, созданная Н. Д. Кондратьевым [1993 (1925); 1989 (1926); 2002 (1926)] и позже развитая в ряде работ, включая труды Й. Шумпетера [Schumpeter 1939]). Это был интересный и в целом перспективный путь развития марксистской теории путем соединения ее с другой – немарксистской (хотя определенное влияние марксизма на теорию Кондратьева отрицать трудно). Э. Мандель связывал смену понижательных и повышательных фаз длинных волн с колебаниями нормы прибыли, но важно также, что он привлек достаточное внимание к технологическим революциям в них, указал на их важную роль, подчеркнув, что сделал так, как делал и сам К. Маркс [Mandel 1995 [1978]: 19; см. также: *Ibid.*: Ch. 2].

В конце 1970-х гг. появился так называемый аналитический марксизм, среди представителей которого была распространена идея реконструкции марксистской теории на базе современных общепринятых научных методов, включая методы аналитической философии и математического моделирования. Здесь особо стоит отметить книгу Дж. Коэна «Теория истории Карла Маркса: защита», впервые изданную в 1978 г. [Cohen 2004]⁹. В своей книге Коэн защищает Маркса от ведущих критиков. Но еще важнее, что он пытается вернуть дискуссию к главному аспекту исторического материализма – роли производительных сил и их взаимодействию (корреляции) с производственными отношениями и в целом с надстройкой. Автор пытался обновить теорию производительных сил, правда, на наш взгляд, не слишком преуспел в этом¹⁰. В целом количество работ, вышедших в конце 1970-х и начале 1980-х гг. и посвященных истмату и марксистской философии истории, а равно марксизму и марксистской философии вообще, было экстраординарным [см. также: Adamson 1980: 186]. Отметим, что книги выходили в самых престижных издательствах (благо их авторы работа-

⁹ Собственно обсуждение этой книги в Лондоне начиная с 1979 г. и положило, как считается, начало возникновению аналитического марксизма.

¹⁰ Мы также согласны с рядом критических замечаний, высказанных Х. Лэйкоком [Lausock 1980].

ли в Кембриджском и Оксфордском университетах). Среди этих книг упомянем «Марксову теорию истории» У. Шоу [Shaw 1978], одноименную книгу М. Рэдера [Rader 1979] и работу Р. Ганди «Маркс и история: от примитивных обществ к коммунистическому будущему» [Gandy 1979]. Работы писались как сторонниками марксизма, так и его ренегатами (как, например, Л. Колаковским [Kolakowski 1978]).

Итак, в 1970–1980-х гг. можно говорить о некотором подъеме марксизма и марксистской историографии (к тому же по тематике, более близкой именно к истмату). При этом данный подъем был связан с ростом марксистской мысли в англосаксонских странах, а также в некоторых других государствах, гуманитарная интеллигенция которых была ранее не склонна к марксизму. Однако в 1990-е гг. все изменилось. Э. Хобсбаум [Hobsbawm 2011: 385, Ch. 15] считал, что упадок марксизма начался даже раньше, с 1983 г., то есть фактически после завершения кризисной эпохи 1970-х – начала 1980-х гг., и продолжался четверть века, то есть до начала кризиса 2008 г. Но, конечно, кризис особенно усилился, когда произошел крах социалистической системы. Соответственно, наблюдаются растерянность и определенный упадок марксизма [см. об этом, например: Джеймисон 2005; Hobsbawm 2011: 386; Iggers 2012; Кагарлицкий 2006; Wood 2007]¹¹. Многие интеллектуалы, прежде позиционировавшие себя как марксисты, начинают отходить от марксизма или вовсе его критиковать. Некоторое оживление произошло в конце XX в. [Hobsbawm 2011: 385], хотя оно и не было существенным. Другое оживление, которое также затронуло марксизм в России и на постсоветском пространстве, наступило после глобального кризиса 2008 г. [см., например: Кагарлицкий 2006; Джеффрис 2012; как мы и говорили, это доказывает, что подъем марксизма происходит в противофазе экономическому подъему]. Таким образом, сегодня западный марксизм не умер, он продолжает жить; по-прежнему в достаточно большом объеме выходят книги и статьи [см., например: Eagleton 2011; Hobsbawm 2011; Furner 2011; Negri 2011; Woods, Grant

---

¹¹ Даже П. Андерсон считал, что единственный исходный пункт для реалистически настроенных левых сейчас – однозначно признать историческое поражение [Anderson 2000].

2015; Рокмор 2016], хотя по истмату их стало существенно меньше. Некоторые надежды для марксизма оставляет растущий социалистический Китай, а также очевидное движение США к закату¹². Разумеется, марксизм – и истмат вместе с ним – не умрут и завтра. Ведь, как верно замечает Ф. Джеймисон [2005; см. также: Кагарлицкий 2006], марксизм, в сущности, является наукой о капитализме, он призван описывать капитализм. Его эпистемологическое отличие состоит в непревзойденной способности описания исторической новизны капитализма, основные структурные противоречия которого наделяют его политическим и пророческим призванием, едва ли отделимым от его аналитического призвания. Именно поэтому, какими бы ни были превратности его судьбы, постсовременный капитализм неизбежно вызывает к жизни постсовременный марксизм. Любой новый кризис (а в связи с трудностями, которые переживают США и Европа, равно как и с подъемом новых стран – Индии, Китая, – кризисы, конечно, еще ждут нас впереди) будет поддерживать марксизм. Но развития марксизма не будет, как не было его и в последние десятилетия.

Однако истмат может быть востребован в научном, а не политическом плане, если уменьшит свои политические претензии и усилит академические. В частности, П. Андерсон в известной мере призывает (в противоположность тому, что предлагают другие) сделать основной частью марксизма анализ не настоящего, а прошлого. «Если подлинным предназначением марксизма является исторический материализм, то он должен быть, прежде всего, теорией истории» [Андерсон 1991: 119–120]. Ограничивать марксизм только современностью – значит обрекать его на забвение. А для того, чтобы наука история могла быть связана с историческим материализмом, по его мнению, надо, по сути, отказаться от революционной теории и подвергнуть марксизм и истмат суровой ревизии, отринув все догмы. Это потребует большой смелости, которая отсутствовала до сих пор. Нам импонирует такой подход, но, к сожалению, мы понимаем, что марксисты в своем подавляющем большинстве не-

---

¹² В обоих случаях особенно активно родственное по происхождению и левизне к марксизму мир-системное направление [о котором мы еще скажем ниже; см., например: Франк 2002; Арриги 2009].

способны это сделать (как сектанты неспособны отказаться от религиозных догм). Сам П. Андерсон вряд ли даже сознает, насколько радикальным должен быть разрыв, чтобы начался новый подъем.

Как мы увидим в последнем разделе, реальное развитие наиболее перспективное в истмате может получить только при условии радикального выхода за рамки концепции исторического материализма. Отказ от этой концепции с сохранением части методологии и проблематики – вот реальная перспектива.

V. Марксистская историография

Марксистская историография до 1920-х гг. Марксистская историография до Октябрьской революции в России была менее важной частью марксизма и исторического материализма. Среди теоретиков и идеологов марксизма, озабоченных революционными делами, не было профессиональных историков, не было, как мы видели выше, и профессиональных университетских ученых. Исторические исследования писались по случаю и на темы, служащие революционной пропаганде, да и то они скорее были ближе к исторической социологии, чем к историографии. В основном это были работы известных марксистских теоретиков на определенные темы (включая и работы на исторические темы или исторического плана К. Маркса и Ф. Энгельса). Более важной была тематика этих работ, поскольку она затрагивала вопросы, которые в буржуазной историографии не считались существенными (либо перестали быть таковыми) или вовсе достойными исследования. Это история народных масс, революционных движений (частью, конечно, исследовавшаяся также революционной историографией немарксистского толка; см., например: Кропоткин 1979), революций и народных восстаний, история классов, определенных философских направлений, биографии социалистов-утопистов и революционных деятелей, история партийного развития и другие¹³.

---

¹³ Можно назвать несколько классических работ, таких как «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельса (1850); книга А. Бебеля о Шарле Фурье (1886); очерк французского марксиста Г. Девиля о Гракхе Бабефе и «заговоре равных» (1887); работа К. Каутского о Томасе Море и его «Утопии» (1888); работы Г. В. Плеханова о Французской буржуазной революции конца XVIII в. («Столетие

Марксистская западная историография в 1920–1960-е гг. Развитию историографии способствовали рост партий и создание коммунистических архивов, но в целом историография марксистского толка на Западе была не слишком обширна и часто прямо связана с работой партий и рабочих движений. Ученые-марксисты обычно не могли принимать участия в деятельности научных академических обществ и преподавать в университетах по причине прямых или косвенных запретов, публикация их исследований также нередко была затруднена. Тем не менее вполне очевидны определенная системность и академизм в историографии, создаются даже специализированные учреждения. Например, Институт марксистских исследований в США, которым руководил Г. Аптекер, историк, много сделавший для систематизации материалов по истории негритянского народа и движения (в числе важнейших его работ «Документальная история негритянского народа США», 1951). К 1930–1940-м гг. складываются национальные школы историков-марксистов. Тематика их работ во многом остается прежней, сосредотачиваясь на революциях, рабочем или ином движении, проблемах эксплуатации или борьбы рабочих масс¹⁴. Но тематика расширялась. Во-первых, внимание историков-марксистов стало обращаться на узловые эпохи собственных стран. Например, итальянские марксисты (Дж. Берти, Ф. Делла Перута и др.) большое

Великой революции», 1890), Парижской коммуне 1871 г. («Мартовские Иды», 1903) и о германском рабочем и социалистическом движении («Ф. Лассаль, его жизнь и деятельность», ч. I, 1887); «Развитие капитализма в России» В. И. Ленина (1899); «Историческое развитие русской фабрики в XIX веке и промышленных кризисов в Англии» М. И. Туган-Барановского (1900); «Происхождение христианства» К. Каутского (1908); «История германской социал-демократии» Ф. Меринга (1897–1898). Можно также упомянуть работы учеников и соратников К. Маркса и Ф. Энгельса – Ф. Зорге, П. Лафарга, супругов Маркс-Эвелингов, которые исследовали процесс зарождения трестов и этапы развития рабочего и социалистического движения в США.

¹⁴ Так, французские исследователи А. Собуль, К. Мазорик и др. занимались историей Великой французской революции; английские историки К. Хилл, М. Джеймс, Э. Рикворд – проблемами Английской революции и другими революционными аспектами; американские историки (У. Фостер, Г. Аптекер, Дж. Аллен, В. Перло, А. Рочестер, Р. Бойер, Г. Морейс, Э. Бимба, С. Иелн и др.) – проблемами истории американского империализма, рабочего, социалистического и фермерского движений, борьбы негритянского народа.

внимание уделяют истории Рисорджименто; американские историки (Дж. Аллен, Дж. Харди, Г. Морейс, У. Форстер и др.) занимались разработкой проблем, связанных с капиталистическим развитием и гражданской войной в США, а Ф. Фонер и У. Помрой – проблемами внешней политики США. Отдельно отметим работу английского историка С. Лилли по истории техники и машин и технологическому прогрессу (1948; на русском языке вышла в 1970 г. [Лилли 1970], см. также: Lilley 1976), это крайне важная для исторического материализма, но недостаточно исследуемая тема. Во-вторых, началась работа историков-марксистов зарубежных стран по созданию марксистской концепции национальной истории (У. Фостер, Г. Аптекер – по истории США, А. Мортон – по истории Англии, С. Райерсон – по истории Канады, Дж. Канделоро – по истории Италии и др.). В-третьих, появляются крупные многотомные исследования по отдельным проблемам. Так, Ф. Фонер создал пятитомный труд «История рабочего движения в США» (1947–1980).

Завершая этот параграф, хотелось бы остановиться на некоторых важных или даже ключевых идеях Д. Лукача в отношении истмата как методологии истории. Он указывал в «Истории и классовом сознании» [Лукач 1923], что истмат в том виде, в каком он есть, не годится для использования в исследовании всемирной истории без творческого его развития. Венгерский философ подчеркивал, что с точки зрения науки исторический материализм означал немногим более чем программу, а не указание на то, как надо писать историю. В частности, Лукач, обобщая уже имеющуюся практику марксистской и иной историографии, делал важный вывод о том, что исторический материализм нельзя применять к докапиталистическим социальным образованиям совершенно так же, как это делается применительно к капиталистическому развитию. Он подчеркивал, что здесь нужен более сложный, более тонкий анализ, чтобы, с одной стороны, выяснить, какую роль в ряду движущих сил общества играли чисто экономические силы, если таковые тогда вообще имелись в наличии в строгом понимании экономической «чистоты», а с другой стороны, показать, как эти экономические силы воздействовали на прочие общественные образования. Вот в чем причина, по которой он призывал применять историче-

ский материализм к прежним обществам намного осмотрительнее, чем к социальным переменам XIX в.

Лукач видел важную задачу в том, чтобы сделать истмат реальной методологией истории, конкретного научного исторического исследования. В частности, он писал, что сейчас, то есть в 1920-е гг., на марксистов возлагается задача действительно написать всю историю заново, осветить, сгруппировать и оценить события прошлого с позиций исторического материализма. К сожалению, в западной марксистской историографии эта задача была решена только в малой степени, а если она и была частично решена в советской историографии (см. ниже), то далеко не так, как это требовалось.

Поэтому, несмотря на некоторые успехи марксистской историографии в описываемый в этом параграфе период (и определенный подъем ее в 1970-е гг., о чем пойдет речь в следующем параграфе), нельзя не отметить, что это были больше успехи количественного и профессионального роста, а радикального развития истматовской методологии в отношении как теории и интерпретации истории, так и историографии не произошло.

Марксистская западная историография с 1970-х гг. Признаки начинающегося подъема марксистской историографии (особенно в Англии) чувствовались еще в 1950–1960-е гг. У истоков подъема, по мнению П. Андерсона [1991: 170], стоял известный марксистский экономист М. Добб, кстати, один из очень немногих, кто занимал в довоенное время преподавательскую должность в одном из ведущих американских или британских университетов. Хотя он был экономистом, самой известной стала его историческая работа «Исследование развития капитализма» [Dobb 1946], в которой он затрагивает тему перехода от феодализма к капитализму в Западной Европе, сделав особый акцент на возникновении класса лишенных собственности «получателей заработной платы»¹⁵. Молодые английские коллеги Добба, объединившиеся в группу историков компартии, составили, по определению П. Андерсона [1991], блестящую плеяду ученых, которые в последующие годы преобразили многие общепринятые интерпретации английского и европей-

---

¹⁵ Вокруг этой темы и десятилетия спустя все еще шли дебаты, в которых центральной фигурой являлся М. Добб.

ского прошлого. Это уже упоминавшийся К. Хилл, а также Э. Хобсбаум, Э. Томпсон, Р. Хилтон и целый ряд других. Некоторые из них начали публиковаться только в 1960-х гг. и стали известны в 1970-е гг. и позже, они же стояли у истоков подъема марксистской историографии.

В 1970-х гг., с одной стороны, успехи марксизма и марксистской историографии сделали это направление более respectable, а с другой – многие исследователи заняли профессорские должности, что облегчило и саму работу историков, и ее популяризацию, и создание научных школ. Но, как будет видно из перечня опубликованных работ, вышедших в 1970-е гг., хотя глубина, систематичность и фундированность исследований очень существенно выросли, однако тематика в значительной мере оставалась узкой, в основном продолжая следовать в рамках традиционной для марксизма и истмата проблематики¹⁶. Так, в 1970-е гг. были опубликованы «Век капитала» Э. Хобсбаума, «Мир, поставленный с ног на голову» и «Мильтон и Английская революция» К. Хилла, «Освобожденные крепостные» и «Английское крестьянство в конце Средних веков» Р. Г. Хилтона, «Классовая борьба и промышленная революция» Г. Форстера, «Виги и охотники» Э. Томпсона, «Лорды человечества» В. Г. Кирнана, «Классовая борьба в древнегреческом мире» Дж. де Сент-Круа. Не слишком выделяется и тематика американских историков: уже упоминавшегося Э. Фонера, а также Ю. Дженовезе, Д. Монтгомери, Р. Бреннера, Д. Абрахама и др.

Как указывалось выше, исторический материализм мог быть для некоторых эпох, тем и проблем непосредственной методологией исторического исследования. И этим не в последнюю очередь объясняется выбор тематики исследований. В любом случае наличие определенной доктрины позволяло легче ориентироваться в огромном материале истории. Тем не менее такая ограниченность тематики приводила, несмотря на общий успех марксистской историографии, к тому, что по многим направлениям она просто не мог-

---

¹⁶ Но были, конечно, и хорошие примеры. Так, исследование «Родословная абсолютистского государства» П. Андерсона (Anderson 1974a; Андерсон 2010) поднимало во многом новую тему, поскольку концепция абсолютистского государства была слабо разработана в историческом материализме.

ла конкурировать с немарксистской. П. Андерсон [Anderson 1974b] выразил это хотя и в весьма мягкой форме, но вполне отчетливо: есть области историографии, где доминируют марксистские исследования; есть еще больше областей, в которых немарксистские исследователи превосходят марксистов в количестве и качестве исследований; и еще больше областей, где вообще нет марксистских исследований.

Здесь к месту отметить творчество британо-американского историка, социолога и политолога П. Андерсона. Две его работы (1976 и 1983 гг.), изданные на русском языке в одной книге [Андерсон 1991], посвящены истории и анализу западного марксизма. Они дают хорошее представление о нем даже неподготовленному читателю. Две более ранние работы представляют попытки приложить теорию исторического материализма к сложным проблемам истории [Anderson 1974a; 1974b]. Нельзя сказать, что автору удалось существенно продвинуться в более адекватной интерпретации теорией истмата исторических фактов (в частности, практически отсутствует тема, которую мы считаем важнейшей в историческом материализме: об уровнях развития производительных сил и соответствии им общественных отношений¹⁷). Скорее, по-прежнему факты иллюстрировали истматовскую периодизацию и концепцию [см. также: Blackledge 2006: гл. 4]. Однако и сами по себе попытки, и посыл, что различные исторические школы должны конкурировать между собой, были важны.

Таким образом, английская и американская историография неожиданно стала флагманом марксистской историографии в мире.

Уже с 1980-х, но особенно в 1990-е гг. подъем марксистской историографии сменяется более слабым развитием и кризисом [Hobsbawm 2011: 385], выход из которого (как это уже неоднократно бывало в истории марксистской мысли) одни видят в пессимизме, другие – в обращении к корням марксизма, третьи – в попытках реформировать исторический материализм, которые не могут увенчаться успехом, а кто-то – просто в отказе от исторического мате-

---

¹⁷ Впрочем, автор специально оговаривается, что такие феномены, как начало индустриализации, в книге не обсуждаются, а будут исследованы в другом труде. Но обещание свое Перри Андерсон не выполнил.

риализма [анализ новейших течений см.: Iggers 2012; см. также: *Idem* 2010].

Марксистская историография, как и сам марксизм, будет жить, поскольку немало исследователей продолжает утверждать, что, несмотря на очевидные ограничения Марксовых концепций, его глубина понимания продолжает даже сегодня обеспечивать мощный инструмент критического исторического анализа (см., например, книгу под редакцией К. Викхема [Wickham 2007]. Эллен Вуд [Wood 2007] доказывает, что с коллапсом социализма теоретический проект марксизма и его критики капитализма еще более современен и важен, чем когда-либо; см. также: Negri 1996; 2011). Но, как уже сказано выше, она не сможет выйти за пределы, обозначенные догматической теорией.

О методологии марксистской историографии. Поскольку, как уже было сказано, какой-то специальной марксистской техники и методологии исследования (в смысле совокупности методов историографической техники и проверки истинности исторических фактов) не было (да и не могло быть), историки пользовались общепринятыми методами. То, что западные (особенно англосаксонские) историки-марксисты в конечном счете вышли из сектантского окружения в широкую профессиональную систему, несомненно, способствовало описанному выше успеху их направления. В отличие от своих советских коллег они были гораздо более свободны в своих изысканиях и профессиональных пристрастиях, широко пользовались заимствованиями из работ, публиковавшихся во всем мире. В то время как историкам из социалистических стран требовались особые разрешения на работу с иностранными книгами и источниками, а их возможности работать за рубежом были резко ограничены. Кроме того, быстрое повышение роли английского языка в науке в 1970-е гг. и последующие десятилетия, а также рост рейтингов англоязычных научных изданий и университетов, несомненно, ставили англоязычных историков-марксистов в более выгодное положение, чем их коллег из других стран (и это один из ответов на вопрос П. Андерсона [1991] о причинах переноса центра марксистских исследований в Англию и США).

Попробуем сформулировать некоторые достоинства исторического материализма как методологии, не забывая, разумеется, о его недостатках, но рассматривая последние в данном случае как продолжение достоинств.

Во-первых, сам метод историзма (который может использоваться для многих случаев как генетический метод, метод поиска истоков, начал). Этот метод активно использовался и пропагандировался. Он не был открыт марксизмом, но был поднят им на большую высоту. «Мы знаем одну-единственную науку, науку истории... историю природы и историю людей», – писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» [Маркс, Энгельс 1955].

Во-вторых, поиск материальных причин для объяснения событий. Это далеко не всегда делалось в истинно верном, так как этому мешали описанные выше недостатки, но порой давало хороший результат. В частности, поиск классового интереса, анализ изменений в материальной жизни и технологических изменений, исследования экономических процессов и другое могли дать ключ к более глубокому пониманию вещей. Хорошим примером является исследование истории английских экономических кризисов М. И. Туган-Барановским [2008 (1913)]. В этом плане марксистская историография существенно опережала иные школы, хотя марксисты и не добились здесь чрезмерных успехов.

В-третьих, рассмотрение истории как процесса, имеющего определенную логику. Имелись и соответствующие философские категории: логическое и историческое. В их использовании таилась, конечно, большая опасность, связанная с тем, что историческое приносилось в жертву логическому, точнее, догматическому. Но при правильном подходе метод может давать результат, если рассматривать логическое не как неизменную сущность, а только как особое рода методологический прием, позволяющий абстрагироваться от ряда частных фактов.

В-четвертых, рассмотрение противоречий разного уровня как движущих сил развития (и в целом поиск движущих сил и источников развития). Выше об этом уже шла речь. Хотя, повторим, огромной ошибкой было игнорирование или занижение значения внешних факторов, тем не менее такой подход мог дать путеводную нить во внешнем хаосе событий.

Исторический материализм в СССР и социалистических странах. Победа социалистической революции в России, с одной стороны, и поражение революций на Западе (особенно в Венгрии и Германии) – с другой, существенно разделило пути развития исторического материализма. В СССР, как уже было сказано, развитие пошло по пути канонизации официально утвержденной версии исторического материализма и полного распространения его на историографию как обязательной методологии и концепции. Подобная же ситуация сложилась и в историографии социалистических стран, которая следовала в фарватере советской за исключением некоторых особенностей (в китайской историографии, скажем, таких особенностей было больше, но и там пятичленная периодизация вполне утвердилась).

Истматовская методология была эффективной, повторим, лишь для определенных эпох и проблем. В других многочисленных случаях ее применение вызывало большие сложности, фрустрации и неизбежные искажения выводов или прямые передергивания фактов.

Конечно, и в советском марксизме не было полного единства, возникали те или иные дискуссии, связанные как с необходимостью приспособлять истмат к изменяющимся условиям, так и с развитием знаний в области историографии и ощущением их противоречия с официальной доктриной. Бывали и крупные дискуссии, правда, они в целом оказались бесплодными, поскольку, подобно теологическим спорам, велись в рамках терминологии марксизма и его идей. В основном обсуждаемые проблемы были связаны с теми или иными высказываниями классиков марксизма-ленинизма в работах разных лет, которые могли противоречить официально канонизированной в СССР доктрине. Наиболее интересными из дискуссий по истмату были две. Это дискуссии 1960–1970-х гг. по структуре производительных сил, так называемому технологическому способу производства [то есть связанные с попытками усовершенствовать идею о качественных ступенях развития производительных сил; см. о ней: Социализм... 1975], и дискуссии, связанные со сложностью приложения пятичленной периодизации истмата к реальному ходу истории и реальным фактам [см.

подробнее: Проблемы... 1968]. Особенно известными были споры о так называемом азиатском способе производства (Марксовой категории, которую он использовал в ряде работ, в том числе в Предисловии к «Критике политической экономии»), но стоит упомянуть и о так называемых первичной, вторичной и третичной формациях (периодизации, также идущей от Маркса)¹⁸.

Дискуссии об азиатском способе производства велись уже не философами, а в основном историками, причем эти дискуссии прошли три стадии начиная с конца 1920-х гг. [историю дискуссий см., например: Сказкин и др. 1962; Качановский 1971; Никифоров 1977]¹⁹. *Азиатским способом производства ряд исследователей считал способ производства, при котором основным собственником средств производства (и доли труда) выступало монархическое (деспотическое) государство, организующее важнейшие условия для производства (например, ирригационные и иные работы) и нередко сам процесс производства (путем организации особых рабочих отрядов, принудительных работ и т. д.)*²⁰. Такое государство перераспределяло огромную часть прибавочного продукта

---

¹⁸ Смысл ее совпадал с гегелевской триадой («тезис – антитезис – синтезис» соответственно). Формационная триада была представлена К. Марксом [1961: 419] в виде первичной (общая собственность), вторичной общественной формации (частная собственность), и как бы предполагалась, хотя у Маркса и не было подобного словосочетания, третичная общественная формация (общественная собственность). Отсутствие или наличие частной собственности также, по сути, означало триаду: первичная бесклассовая формация – вторичная классовая формация (рабство, феодализм, капитализм) – третичная, вновь бесклассовая (коммунизм). Но в таком варианте выделение формаций вовсе отходило от идеи примата производительных сил, сводило деление истории к формам собственности, а потому было абсолютно бесплодным.

¹⁹ Дискуссии об АСП велись также и среди западных марксистов. Последние время от времени обращались к этой теме [см., например: Shaw 1978]. Кроме того, эти идеи использовались К. Виттфогелем (до эмиграции в США – коммунистом) для того, чтобы использовать Марксову идею АСП для критики сталинского режима как современного деспотизма, по типу схожего с деспотиями докапиталистических периодов [Wittfogel 1957].

²⁰ Идеальным примером последней формы эксплуатации выступали Египет Древнего царства или государство третьей династии Ура в Месопотамии (оба – в III тыс. до н. э.), однако в отдельные периоды китайские империи и ряд других стран имели яркие черты непосредственной эксплуатации населения государством. Но различия в трактовке АСП были очень значительными.

непосредственно или (чаще) через налоги, так как выступало распорядителем или даже собственником основной массы земель (а крестьяне могли рассматриваться историками как бессрочные государственные арендаторы). Эта форма эксплуатации получила название *ренты-налога*.

Однако, как и пятичленная периодизация, теория азиатского способа производства подгоняла сложные исторические особенности под жесткую схему, искажая реалии. Но для исторического материализма главной проблемой было даже не это, а то, что данный способ производства не вписывался в общую схему формаций. Если АСП помещали как способ производства до рабовладения, то получалось, что китайские империи Средних веков были развиты хуже, чем, скажем, Спарта. А если помещали параллельно рабовладению и феодализму, получалось, что имеется не одна линия истории, а две. Таким образом, введение в конструкцию АСП в целом только усложняло проблемы, а не решало их.

Однако это не отменяло бесспорного факта, что во многих древних государствах основная эксплуатация происходила через налоги и государственные повинности крестьян, но не через эксплуатацию рабов, а в средневековых азиатских государствах крестьяне были не крепостными, но в юридическом плане лично свободными. Отсюда сложности истматовской историографии заключались, во-первых, в том, что так называемый рабовладельческий способ производства и рабовладельческая формация могли быть обнаружены только в отдельных обществах и в отдельные эпохи, а во-вторых, в том, что концепция феодального способа производства с собственностью на землю и с правом на повинности крестьян крупных землевладельцев плохо вписывалась в реалии многих периодов ряда восточных стран и кочевых обществ [см.: Гринин 2000; 2006; 2007]²¹.

---

²¹ На страницах журнала «Философия и общество» мы предлагали реальный выход из этого тупика без отказа от понятия «формация»: тогда присваивающему принципу производства соответствовал бы доэкономический тип отчуждения; аграрно-ремесленному – внеэкономический (в котором объединялись рабовладельческие, государственно-рентные, феодальные и другие формы эксплуатации); индустриальному – полуэкономический тип отчуждения (где объединялись формы капиталистической и государственно-социалистической эксплуатации); современ-

Все эти и многие другие трудности марксистской историографии происходили из того, что (как мы уже говорили) исторический материализм реально был опробован только на капиталистической формации. История же Античности и Средневековой Европы истматом не исследовалась хоть в какой-то степени скрупулезно, оставаясь схемой, в большей или меньшей степени заимствованной у французских историков периода Реставрации и А. Сен-Симона. Тем не менее, поскольку она все же более или менее ложилась в эту схему (так как рабство было яркой чертой античных обществ), казалось, что истмат покрывает всю историю. Но беда была в том, что история Европы, конечно, не была тождественна всемирной истории. История Востока в период, когда создавался истмат, была еще крайне плохо известна. Но затем (в конце XIX – начале XX в.) она открылась во всем своем масштабе. И тогда стало вполне очевидно, что истмат для нее не особенно подходит²². Вот таким образом исторический материализм, претендующий на то, чтобы быть универсальным учением и охватывать всю всемирную историю, по сути, унаследовал от прежней философии истории европоцентризм, от которого так и не сумел избавиться. В методологии он трансформировался в то, что В. П. Илюшечкин [1986; 1990] называл «эталонным» методом, когда (вновь повторим) Афины и Римская республика негласно рассматривались как эталон общества рабовладельческой формации, Франция – феодальной, а остальные общества как бы сравнивались с ними и явно или неявно подтягивались к ним путем усиленного поиска в их истории отношений, в общем-то слабо или вовсе для них нехарактерных. Задача решалась либо подгонкой фактов под уже существующие выводы, либо изобретением дополнительных, но нежизнеспособных теоретических конструкций (вроде *государственного* или *кочевого феодализма*).

Многие историки старались использовать дискуссии об АСП больше для того, чтобы эзоповым языком критиковать советский

ному научно-кибернетическому – экономический тип отчуждения [Гринин 2000; 2006; 2007; Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2015].

²² Неспроста в это время появляются теории цивилизаций и иные теории исторического процесса, пытающиеся вместить в себя историю Востока. Недаром и первая дискуссия об АСП состоялась в конце 1920-х гг.

социализм, который действительно имел заметное сходство с восточными деспотиями и к нему могли быть применены характеристики азиатского способа производства [Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2015; 2016]. Из тех, кто стремился в результате достроить истмат и реализовать его фундаментально важную идею о том, что именно уровень развития производительных сил должен лежать в основе периодизации истории и смены ОЭФ, мы бы назвали прежде всего В. П. Илюшечкина. Но и он, к сожалению, не смог выйти за пределы ортодоксального марксизма, не сумев полностью реализовать свою задачу²³. Тем не менее его идея о единой докапиталистической формации после первобытной, включающей все сословно-классовые общества (с рабовладельческой, феодальной или государственной формой эксплуатации) и имеющей единый производственный (аграрно-ремесленный) базис, была весьма ценной, правда, к сожалению, слабо воспринятой в советской научной среде. Однако не можем не отметить, что на формирование нашей собственной концепции принципов производства и основанных на них формаций исторического процесса [см., например: Гринин 1995–1996; 2006], генетически связанной с марксистской парадигмой, идеи Илюшечкина повлияли весьма значительно (равно как и его исследования истоков Марксовой периодизации истории). Основываясь на них, было намного легче строить непротиворечивую концепцию этапов развития мировых производительных сил.

Хотя и западная, и советская марксистская историография находилась в рамках ортодоксальной идеологии, повторим, первая по сравнению со второй была намного свободнее в выборе методов и формулировке выводов. Кроме того, общая историографическая среда позволяла ей существовать не на окраине, за «железным занавесом», а в центре развития исторической науки. Однако в пользу советской историографии нужно отметить тот важный момент,

---

²³ Его неудача также объяснялась тем, что он невольно редуцировал производительные силы только к технике, отсюда ему не удалось найти критерии различий в технике варварских и цивилизованных обществ (первые были отнесены им к первобытно-общинной формации вместе с охотниками-собирателями). Тогда как правильнее было различать технологию: присваивающее – охотничье-собирательское хозяйство/первобытная формация и производящее – аграрно-ремесленное хозяйство/докапиталистическая формация [подробнее см.: Гринин 2006].

что в отличие от фрагментарной западной марксистской историографии она была тотальной, охватывающей очень много тем (хотя, конечно, часть из них не поощрялась властями). Технически же советские историки пользовались теми же методами, что и представители позитивистской или иных научных школ.

Таким образом, хотя в марксистской историографии в СССР и других социалистических странах были немалые достижения и выросли крупные историки, но в целом это развитие в рамках советского истмата перспективы не имело. Что же касается философии истории в СССР, то она полностью догматизировалась, выродилась в эпигонство и начетничество. Причины этого вполне понятны, так как догматизм не может быть путеводной звездой.

VI. В чем истинное влияние исторического материализма?

Хотя, как сказано выше, марксизм и исторический материализм будут существовать до тех пор, пока существуют основы капитализма, увеличивая свое значение в периоды кризисов и уменьшая в периоды процветания, в любом случае это течение будет оставаться маргинальным. Оно будет лишь протестным, а не позитивным направлением, к тому же лишенным прочной социальной базы. Но оставаясь на этой основе, повторяя идеи прошлого и вращаясь в рамках ортодоксальных конструкций, марксизм не может рассчитывать на серьезное методологическое влияние.

Поэтому, на наш взгляд, влияние исторического материализма будет сильнее проявляться не в рамках чисто марксистского течения, а в более широком и неопределенном интеллектуальном окружении, которое лишь в той или иной мере связано с марксизмом. Первоначальный импульс марксизма не в последнюю очередь определялся тем, что он возник на столбовой дорожке общественной науки, опираясь на многие ее достижения. Следовательно, и сегодня его сила не в сектантстве, а в возможно более широкой связи с живой наукой и ее лучшими достижениями.

Это сопутствующее историческому материализму течение состоит из нескольких потоков.

Во-первых, это широкая левая культура. П. Андерсон [1991] указывал, что вокруг американских историков-марксистов сложи-

лась более широкая социалистическая культура, которая, не будучи чисто марксистской, отличалась поразительным разнообразием и живостью – от исторической социологии И. Валлерстайна и Т. Скочпол (и, добавим, целого ряда других социологов – от Дж. Арриги и А. Гундера Франка до К. Чейз-Данна) до политической экономии Дж. О’Коннора, последующих работ П. Суизи и Г. Макдоффа, культурологической критики К. Лэша [см.: Андерсон 1991]. Но точнее было бы назвать эту окружающую культуру не социалистической, а левой. И заметим, что даже если марксизма не станет, то левая культура должна остаться по определению, так как без нее не будет нужного политического спектра.

Второе течение можно назвать *постмарксизмом* в весьма широком значении слова. Д. Белл еще в 1973 г. отмечал: «Мы все стали постмарксистами» в том смысле, что «источником нашего интереса к социальным переменам по необходимости является Маркс». Всякий, кто собирается обсуждать перспективы развития капиталистического индустриального общества, «вынужден отправляться от предвидений Маркса» [Bell 1973: 55–56]²⁴.

Однако полвека спустя после этих слов Д. Белла проблемы развития капиталистического общества должны рассматриваться во многом за пределами предвидений К. Маркса и Ф. Энгельса, поскольку и само общество давно вышло за пределы индустриального, а социалистический эксперимент не удался. Зато в этих условиях легче вспомнить, что Маркс и Энгельс также задали и определенную логику в анализе исторического процесса, которая привлекала и продолжает привлекать своей методологией, подходами и проблематикой. И если исследователь в какой-то мере использует истматовскую методологию, фундаментальные категории и ценные подходы, отказавшись от марксистских догм, его можно считать постмарксистом. Таких много сегодня в бывшем СССР, бывших

---

²⁴ Д. Белл повторил это и через 25 лет. Так, в предисловии к русскому изданию «Прихода постиндустриального общества» он писал: «Но я вовсе не антимарксист (как обвиняли его в период СССР. – Л. Г.). Как может быть ученый-социолог антимарксистом? Многие в марксистском анализе социальных и производственных структур сохранили свое значение и вошли в современные теории... Я бы скорее назвал себя постмарксистом, в том смысле, что я воспринял достаточно много марксистских представлений о социуме» [Белл 1999: ХСІ].

соцстранах. Конечно, большинство из них склонны к догматике, ортодоксии или бесплодной эклектике. Но немало и тех, кто далеко ушел от ортодоксальной системы, чтобы создать новые концепции. Такой подход можно назвать уже не постмарксизмом, а **постисторическим материализмом**. Ибо здесь главное уже не антикапиталистический протест, но современное материалистическое понимание истории, когда исследователи признают фундаментальное влияние материальных факторов²⁵. Фактически к постисторическим материалистам можно отнести и так называемых постиндустриалистов, особенно Д. Белла и Э. Тоффлера [Bell 1973; Toffler 1980], которые закладывали в основу как периодизации, так и движущих сил исторического процесса, а равно прогнозируемых ими изменений в будущем развитии технологий. К *постисторическим материалистам*, стремящимся исследовать на глобальном уровне роль производительных сил и их смены, роль технологических революций и их влияние на изменение всей структуры обществ определенных крупных, в том числе будущих, эпох, в полной мере мы относим и себя [см., например: Гринин 2006; Гринин, Коротаев 2009; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015].

Исторический материализм поставил несколько важных задач, но не дал их верного решения. Среди них особо можно выделить необходимость показать, как можно объяснить смену общественных форм через смены уровней производительных сил. И важность этой задачи (в какой-то мере ее можно сравнить с попытками доказать пятый постулат Евклида) требует новой интерпретации исторического процесса, благодаря чему открываются новые горизонты исследования²⁶.

---

²⁵ Конечно, набор материальных факторов более широк, чем в Марксовых производительных силах, поскольку включает в себя также демографический, географический и внешние факторы. Но все же при правильном теоретическом подходе большинство материальных факторов может быть включено в единую систему [см.: Гринин 2006; 2009].

²⁶ Наше решение этой проблемы – через введение понятий производственных революций: аграрной (неолитической), промышленной и кибернетической, которые ведут к смене всего технико-технологического и производственного комплекса (принципов производства), а с этим происходит и смена всех общественных форм. Последнее, в частности, определяется тем, что производственная революция ведет к резкому росту производства пищи и других ресурсов, что влечет за

Третье и, пожалуй, наиболее влиятельное течение – те, для кого истмат составляет важную часть их интеллектуального багажа или их концепций (а не остается чисто академическими и не особенно нужными знаниями). И это течение появилось уже в последние десятилетия XIX в. Внутри него условно можно выделить несколько групп. Во-первых, те, кто, не занимаясь критикой марксизма, использовал его частично для создания новых концепций. Весьма показателен здесь пример Н. Д. Кондратьева, который использовал идеи К. Маркса об основном капитале и его смене в своей теории длинных циклов. Отметим, кстати, что не даром эта теория использовалась и развивалась как антимарксистами (например, Й. Шумпетером), так и марксистами (в частности, вышеупомянутым Э. Манделем). Во-вторых, те, кто испытал влияние марксизма или даже признает свою «интеллектуальную зависимость от марксизма» [Раинко 1979: 26]. Хотя эти исследователи не опираются непосредственно на истмат, а, напротив, часто активно его критикуют, проследить влияние марксизма на них вполне можно, тем более если они строят свои исследования в той или иной мере оппозиционно марксизму, пытаясь найти альтернативное ему позитивное решение проблемы. Среди таких исследователей можно назвать М. Вебера, Й. Шумпетера, К. Мангейма, П. Сорокина, Р. Дарендорфа, Ш. Фурастье, Р. Арона, У. Ростоу, Дж. Гэлбрейта и многих других. Некоторые из них, как Арон или Шумпетер, посвятили ряд своих произведений непосредственно анализу марксизма или социализма. Третья подгруппа – агрессивные оппоненты, стремящиеся к ниспровержению марксизма, во многом их творчество строилось именно как антимарксизм. Среди них было большинство бесталанных, но встречались и очень заметные исследователи (выше мы говорили об одном таком наиболее активном критике К. Поппере, также можно называть и Ф. Хайека). Но сегодня, конечно, идеологическая острота конфронтации с марксизмом снизилась. Однако

собой демографическую революцию, а быстрый рост населения меняет все пропорции и формы в обществе. При этом важно, что производственная революция, начавшись в одном месте планеты, затем рано или поздно распространяется на другие районы и регионы, изменяя таким образом общество за обществом [см. подробнее: Гринин 2006; Гринин, Коротаев 2009; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015].

продолжают появляться работы, где авторы (вроде Майкла Манна) хотят опровергнуть Маркса по всем направлениям [Mann 1986; см. также: Aronowitz 1990]²⁷.

Таким образом, исторический материализм оказывал и продолжает оказывать влияние на социальную науку, выступая в качестве некоего оселка, на котором оттачиваются теоретические основания и критика значимого числа крупных исследователей. Последние так или иначе начинают работать в определенном пространстве, указанном марксизмом, чтобы доказать, что теоретические основания исторического материализма неверны или не полностью верны. И, как правильно указывал Р. Коллингвуд, «энергичная полемика против какой-либо доктрины – безошибочный признак того, что эта доктрина чрезвычайно распространена среди современников писателя и даже обладает определенной притягательной силой для него самого» [Коллингвуд 1980: 23]²⁸.

Д. Лукач [1923] утверждал, что как корректный метод исследования марксизм может быть углублен и усилен, но все попытки «улучшить» его могут закончиться не чем иным, как банальным превращением его в эклектику. С точки зрения цельности марксизма философ был прав. Но с точки зрения возможности для него оставаться жизнеспособным и влиятельным – нет²⁹. Марксизм мо-

---

²⁷ Использование методологии исторического материализма в 1960–1990-е гг. для критики реального социализма, например, его социальной структуры, противоречий и т. п., имело место и среди некоторых диссидентов и критиков социализма внутри соцстран [см., например: Восленский 1991; см. также: Nowak 2009].

²⁸ Словом, сегодня по-прежнему, как и во времена острого идеологического противостояния, «попытки опровержения, выборочная адаптация и реинтерпретация – три формы отношения к марксизму» [Раинко 1979: 30]. Но с тех пор также добавились попытки неидеологического развития и радикальной перестройки истмата.

²⁹ При этом марксизм постоянно пытались обогатить различными современными научными направлениями в рамках самого марксизма. Так, марксисты Второго Интернационала интерпретировали идеи Маркса в свете позитивизма (в том числе махизма) и дарвинизма, австромарксисты пытались связать его с неокантианством, в западном марксизме, например, Франкфуртская школа стала опираться на фрейдизм, а французские марксисты – на экзистенциализм и структурализм. В современных условиях также имеет место сочетание положений исторического материализма с другими подходами (какова была, например, попытка скрестить формационный и цивилизационный подходы; марксистский и веберовский в российской науке).

жет быть востребован не как цельное учение, а, так сказать, по частям, например, если будут использованы его отдельные достижения методологии, онтологии и терминологии, в том числе при правильной интерпретации и через главные его темы-идеологемы (капитализм, классы, эксплуатация, отчуждение). Таким образом, марксизм и исторический материализм могут оставаться влиятельными только в сочетании с другими теориями.

Мир-системная теория, хотя сегодня и переживает не лучшие времена, остается одной из тех, которая показывает, что преодоление недостатков истмата с использованием его достоинств может вызвать синергетический эффект. Выше мы уже говорили, что в истмате не было проведено разделение развития в рамках отдельного общества и в рамках крупных надобщественных систем вплоть до человечества. Мир-системная теория, развиваемая левыми социологами в США под влиянием национально-освободительного движения в третьем мире и возникшего революционного движения в капиталистических обществах, использовала идеи и терминологию марксизма, особенно в ее ленинской интерпретации. В частности, речь идет об идее империализма, который делит мир между империалистическими державами и эксплуатирует остальные общества, идее об опутывании мира щупальцами крупнейших корпораций. Таким образом, перенеся теорию эксплуатации на уровень межобщественный, эта теория создала концепцию мир-системного обмена и мир-системной эксплуатации, соответственно представив мир как систему с центром (ядром) и периферией (а также полупериферией). Ядро в виде наиболее развитых обществ эксплуатируют периферийные страны. При этом центр Мир-Системы время от времени перемещается от одной ведущей державы к другой (эта идея развивалась в теориях так называемых циклов политической гегемонии, которые также предсказывали и ослабление США [см., например: Арриги 2006; 2009; Thompson 1988; Modelski, Thompson 1996]. Теория оказалась достаточно эффективной для анализа современного капитализма и для объяснения многих феноменов и продолжает использоваться как марксистами, так и немарксистами [см., например, наши работы: Гринин, Коротаев 2009; Grinin *et al.* 2016]. Но все же как концепция, объясняющая современные про-

цессы, она столкнулась с ограничениями и поэтому теряет свои достоинства, хотя идеи Дж. Арриги о смене цикла накопления капитала в XXI столетии с американского на азиатский достаточно продуктивна.

Однако в смысле исторической методологии важно, что создатели этой теории были историческими социологами, поэтому в значительной степени они стали углубляться в историю и период, когда Мир-Система возникла. А это позволило создать особую методологию исследования исторических процессов не на уровне отдельного общества, а на уровне группы обществ, регионов и в целом мир-систем. Это позволило объяснить процессы и феномены, которые иначе не объяснялись, выйти из тупика цивилизационного подхода, преодолеть ограничения диффузионизма, а также увидеть процессы синхронии (например, между кочевыми и оседлыми обществами) и обмена достижениями и информацией, и диффузию инноваций, и влияние обществ друг на друга [Frank, Gills 1993; Chase-Dunn, Hall 1997; Chase-Dunn, Manning 2002; Chase-Dunn *et al.* 2010].

В заключение сделаем вывод, что работать строго в рамках собственно исторического материализма сегодня – значит обрезать себя либо на схоластику, либо на эпигонство. Но исторический материализм в его историко-объяснительной части может продолжать влиять на общественную науку опосредованно, через творческое усвоение и преломление его метода, его подходов и в некоторых отношениях категорий и проблематики. Он будет таким образом оказывать воздействие, растворяясь в различных направлениях.

Значит, сегодня судьба истмата и марксизма определяется своего рода парадоксом: его значение растет по мере того, как он растворяется в других теориях. Поскольку он стал как бы частью общего интеллектуального достояния, можно образно говорить о генетическом дрейфе исторического материализма и марксизма, который, несмотря ни на что, оказывается живым учением. Словом, исторический материализм при творческом к нему отношении по-прежнему остается значимым интеллектуальным резервом.

Литература

Андерсон П. На путях исторического материализма. М. : Интер-Версо, 1991.

Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010.

Арон Р. Воображаемые марксизмы. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2010.

Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М. : Территория будущего, 2006.

Арриги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. М. : Ин-т общественного проектирования, 2009.

Белл Д. Приход постиндустриального общества. М. : АСТ, 1999.

Восленский М. Номенклатура. М. : Октябрь, 1991.

Готфрид П. Странная смерть марксизма. М. : ИРИСЭН, Мысль, 2009.

Гринин А. Л., Гринин Л. Е. Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций) // *Философия и общество*. 2015. № 1–2. С. 17–47.

Гринин А. Л., Гринин Л. Е. Кибернетическая революция и смена технологического уклада // *Восточно-Европейский научный вестник*. 2016. № 2(6) С. 5–15.

Гринин Л. Е. Философия и социология истории: некоторые закономерности истории человечества (опыт философско-социологического анализа всемирно-исторического процесса): пособ. для студентов: в 3 ч. Волгоград, 1995–1996.

Гринин Л. Е. Тип отчуждения благ и личности. Формации и цивилизации // *Философия и общество*. 2000. № 4. С. 5–47.

Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. 3-е изд., стереотип. М. : КомКнига, 2006.

Гринин Л. Е. Философия, социология и теория истории. 4-е изд. М. : КомКнига, 2007.

Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015.

Гринин Л. Е., Коротчаев А. В. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм // *Логос*. 2005. № 48. С. 208–246.

Джеффрис С. Почему марксизм снова на подъеме [Электронный ресурс] : ИноСМИ.ру. 2012. 6 июля. URL: <http://inosmi.ru/europe/20120706/194575698.html>.

Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М. : Наука, 1986.

Илюшечкин В. П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М. : Наука, 1990.

Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М. : Эксмо, 2006.

Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М. : Наука, 1971.

Коллингвуд Р. Дж. Идея. История. Автобиография. М. : Наука, 1980.

Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в Институте экономики. М. : Экономика, 1989 [1926].

Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры / Н. Д. Кондратьев // Избр. произведения. М. : Экономика, 1993 [1925]. С. 24–83.

Кондратьев Н. Д. Большие циклы экономической конъюнктуры / Н. Д. Кондратьев // Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М. : Экономика, 2002 [1926]. С. 341–400.

Кропоткин П. А. Великая Французская революция. 1789–1793. М. : Наука, 1979.

Лилли С. 1970. Люди, машины и история. История орудий труда и машин в ее связи с общественным прогрессом. М. : Прогресс.

Лукач Г. 1923. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. URL: <http://mesotes.ru/lukacs/Historiiklass/hist-klass-sod.htm>.

Маркс К. наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Третий набросок / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 19. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 3. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955.

Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М. : Наука, 1977.

Проблемы истории докапиталистических обществ / под ред. Л. В. Данилова. М. : Наука, 1968.

Раинко С. Марксизм и его критики. М. : Прогресс, 1979.

Рокмор Т. Пикетти, марксистская политическая экономия и закон тенденции нормы прибыли к понижению // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 29–37.

Сказкин С. Д., Гамаюнов Л. С., Ковалев Е. Ф., Смилянская И. М., Ульяновский Р. А. О генезисе капитализма в странах Востока (XV–XIX вв.). М. : Изд-во вост. лит-ры, 1962.

Социализм: диалектика соотношения производительных сил и производственных отношений / под ред. В. Г. Марахова. М. : Мысль, 1975.

Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008 [1913].

Франк А. Г. Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством» // Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории / отв. ред. А. О. Чубарьян. М. : Наука, 2002. С. 192–202.

Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М. ; СПб, 1997.

Adamson W. L. Reviewed Works: Karl Marx's Theory of History. A Defence by G. A. Cohen; Marx's Interpretation of History by Melvin Rader; Marx's Theory of History by William H. Shaw // History and Theory. 1980. Vol. 19. No. 2. Pp. 186–204.

Aglietta M. A Theory of Capitalist Regulation: the US Experience. London, 1979.

Anderson P. Lineages of the Absolutist State. London : New Left Books, 1974a.

Anderson P. Passages from Antiquity to Feudalism. London : New Left Books, 1974b.

Anderson P. Considerations on Western Marxism. London : Verso, 1976.

Anderson P. In the Tracks of Historical Materialism. London : Verso, 1983.

Anderson P. Editorial. Renewals // New Left Review. 2000. January, February. Pp. 13–15.

Aronowitz S. The Crisis in Historical Materialism: Class, Politics and Culture in Marxist Theory. Houndmills, London, 1990.

Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. New York, 1973.

Blackledge P. Reflections on the Marxist Theory of History. Manchester; New York: Manchester University Press, 2006.

Braverman H. Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century. 25th anniversary ed. New York, NY : Monthly Review Press, 1974.

Chase-Dunn Ch., Hall Th. D. Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, CO : Westview Press, 1997.

Chase-Dunn C., Manning S. City Systems and World-Systems // *Cross-Cultural Research*. 2002. Vol. 36(4). Pp. 379–398.

Chase-Dunn C., Niemeyer R., Alvarez A., Inoue H., Love J. Cycles of Rise and Fall, Upsweeps and Collapses: Changes in the Scale of Settlements and Politics Since the Bronze Age // *History & Mathematics: Processes and Models of Global Dynamics* / ed. by L. E. Grinin, P. Herrmann, A. V. Korotayev, A. Tausch. Volgograd : Uchitel, 2010. Pp. 64–91.

Cohen G. A. *Karl Marx's Theory of History: A Defence*. New York : Oxford University Press, 2004.

Dabrowski T. Merleau-Ponty, Lukács, and Western Marxism // *Teloscope Tuesday*. 2012. April 3. URL: <http://www.telospress.com/merleau-ponty-lukacs-and-western-marxism/>.

Dobb M. *Studies in the Development of Capitalism*. London : Routledge & Kegan Paul, 1946.

Eagleton T. *Why Marx Was Right*. New Haven; London : Yale University Press, 2011.

Frank A. G., Gills B. K. (Eds.) *The World System: Five Hundred Years of Five Thousand?* London : Routledge, 1993.

Furner J. Marx's Sketch of Communist Society in *The German Ideology* and the Problems of Occupational Confinement and Occupational Identity // *Philosophy and Social Criticism*. 2011. No. 37(2). Pp. 189–215.

Gandy D. R. *Marx and History: From Primitive Society to the Communist Future*. Austin : University of Texas Press, 1979.

Gramsci A. *Quaderni del carcere*. A cura di V. Gerratana. Torino, 1975.

Grinin L., Korotayev A., Tausch A. *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery*. N. p. : Springer International Publishing, 2016.

Hobsbawm E. *How to Change the World. Reflections on Marx and Marxism*. New Haven; London : Yale University Press, 2011.

Iggers G. Review on Chris Wickham, ed., *Marxist History-writing for the Twenty-first Century* (Oxford, 2007) // *American Historical Review*. 2010. Vol. 115. Pp. 186–188.

Iggers G. *The Marxist Tradition of Historical Writing in the West. A Retrospect from the Beginning of the Twenty-First Century*. 2012. URL: http://www.lbihs.at/Iggers_Marxist_Tradition_of_Historical_Writing.pdf.

Jameson F. *Actually Existing Marxism // Marxism beyond Marxism* / ed. by S. Makdisi, C. Casarino, R. E. Karl. New York : Routledge, 1996. Pp. 14–54.

Kolakowski L. *Main Currents of Marxism*. London : Oxford University Press, 1978.

Korsch K. *Leading Principles of Marxism: A Restatement* // *Marxist Quarterly*. 1937. URL: <https://www.marxists.org/archive/korsch/1937/restatement.htm>.

Korsch K. *A Study in Western Marxism* 1st ed. London; Basingstoke : Palgrave Macmillan 1979.

Laycock H. *Karl Marx's Theory of History: a Defense Critical Notice of G. A. Cohen's Book*. *Canadian Journal of Philosophy*. 1980. Vol. 10. No. 2. Pp. 335–356.

Lilley S. *Technological Progress and the Industrial Revolution, 1700–1914. The Industrial Revolution, 1700–1914* // *The Fontana Economic History of Europe*. Vol. 3 / ed. by C. M. Cipolla. New York : The Harvest Press Limited; Barnes & Noble, 1976. Pp. 187–254.

Mandel E. *Long Waves of Capitalist Development: A Marxist Interpretation : Based on Marshall Lectures Given at the University of Cambridge*. 2nd ed. London, New York : Verso, 1995 [1978].

Mann M. *The Sources of Social Power, I: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge : Cambridge University Press, 1986.

Merleau-Ponty M. *Western Marxism* // *Telos*. 1970. No. 6. Pp. 140–161.

Modelski G., Thompson W. R. *Leading Sectors and World Power: The Coevolution of Global Economics and Politics*. Columbia, SC : University of South Carolina Press, 1996.

Negri A. *Twenty Theses on Marx: Interpretation of the Class Situation Today* // *Marxism Beyond Marxism* / ed. by S. Makdisi, C., Casarino, R. Karl. New York : Routledge, 1996. Pp. 149–180.

Negri A. *Is It Possible to Be Communist Without Marx?* // *Critical Horizons*. 2011. No. 12(1). Pp. 5–14.

Nowak L. 2009. *Class and Individual in the Historical Process* // *Idealization XIII: Modeling in History* / ed. by K. Brzechezyn. Amsterdam; New York, NY : Rodopi. Pp. 63–84.

Rader M. *Marx's Theory of History*. New York : Oxford University Press, 1979.

Schumpeter J. A. *Business Cycles*. New York, NY : McGraw-Hill, 1939.

Shaw W. H. *Marx's Theory of History*. Stanford : Stanford University Press, 1978.

Sweezy P. *The Theory of Capitalist Development. Principles of Marxian Political Economy*. 2nd ed. New York, NY, 1968.

Thompson W. R. On Global War: Historical-Structural Approaches to World Politics. Columbia, SC : University of South Carolina Press, 1988.

Timpanaro S. 1974. Considerations on Materialism // New Left Review. 1974. No 1/85. May – June. Pp. 3–22.

Toffler A. The Third Wave. New York : William Morrow & Co., Inc., 1980.

Wickham, C. (ed.) Marxist History-Writing for the Twenty-First Century. British Academy Occasional Paper. No. 9. Oxford : Oxford University Press for the British Academy, 2007.

Wittfogel K. A. Oriental Despotism. New Haven : Yale University Press, 1957.

Wood E. M. 2007. Democracy against Capitalism: Renewing Historical Materialism. Cambridge, UK : Cambridge University Press.

Woods A., Grant T. 2015. Reason in Revolt: Marxist Philosophy and Modern Science. London : Wellred Books.